

Дух Достоевского за круглым столом

«ДОСТОЕВСКИЙ умер», — удивительно точно подметила героиня известного романа. «Достоевский бессмертен!» — справедливо возразили ей. Обе стороны были исключительно правы, что в очередной раз подтвердилось 9 февраля на «расширенном научном заседании» в музее Достоевского под броским названием «Достоевский сегодня». Если судить по содержанию речей, имевших место быть в означенный день в означенном месте, Ф.М. давно и безнадежно мертв, а его мумию, соответствующим образом сервированную, всяк использует для подкрепления собственных идеологических предпочтений. Так, к примеру, присутствовавшими дебатировался вопрос о свободе в понимании Достоевского — и к общему, кажется, удовлетворению, решен был в том смысле, что свободным считается обладатель частной собственности, то есть, в свете современных идей, — положительно. Госпожа Роднянская, подробно остановившись на «гражданских идеалах Достоевского», в частности, подчернула, что свобода виделась ему во владении землей, а именно «рекреационными участками», что позволяет говорить о предвосхищении им «передовых агротехнологий». Господин же Недзвецкий, подробно остановившись на проблеме своеволия, определил Достоевского как «пророка трагического рабства XX века» и, сославшись на авторитет Бердяева, который, кажется, ничего подобного не говорил, объявил, что подлинная личность на пути к Богочеловеку должна непременно искушаться человекобожием. Пожелаем ему успехов на этом пути, ибо, как действительно говорил Бердяев, «человек должен проходить через опасности».

Тем не менее дух гения оказался поразительно живуч, и за вялой торжественностью высокого собрания то и дело проглядывал его лукавый лик. Так, Православная Церковь в лице о. Иоанна Свиридова огорошила простодушных слушателей парадоксальным заяв-

лением, что Достоевский — чтение для юношества, человеку же зрелому следует читать Толстого, что в свете взаимоотношений обоих с Православной Церковью (и, в частности, отлучение последнегр) прозвучало несколько пикантно. Отец-парадоксалист также отметил, что о мирозерцании Достоевского писал один лишь Бердяев и отчего-то Степун, перечеркнув одним махом, видимо, малоизвестных ему о. Сергия Булгакова, Владимира Соловьева, Розанова, Леонтьева, Шестова, Вячеслава Иванова и Мережковского. Под конец заседания он не счел лишним объявить, что вообще не любит Достоевского как литератора и даже «он (то есть Достоевский. — М.Р.) не писатель».

Как оказалось, Достоевский сегодня как писатель вообще мало кому интересен, во всяком случае, за круглым столом не прозвучало ни одного слова о художественной стороне его творчества. На парадоксальность современности получилось гораздо удобней грузить одну идеологию и политические аллегории. «Пророк», «провозвестник», «уроки Достоевского» — вот, пожалуй, — заранее, причем, прогнозируемый — рефрен заседания. Порой, однако, поворот мысли бывал и неожиданным. Так, к примеру, Рената Гальцева, усыпив бдительность зала дежурной фразой о Достоевском как «разоблачителе ложных идеалов», вдруг провозгласила анафему постмодернизму.

Со все возрастающим энтузиазмом благодарная публика встречала неизменную шутку: «я буду краток», с которой каждый оратор начинал свое выступление, и дух веселья, царивший в эти минуты в зале, навевал воспоминания о веселье в некоем другом зале, столь удачно описанном некогда виновником торжества. Когда же среди разгоревшейся дискуссии о лидерах из публики поднялась неизвестная дама и потребовала слова на том основании, что разговор давно уже идет, по ее счастливому выражению, «по одну сторону барьера», а поговорить хочется всем, ваш почкорный слуга покинул зал. Достоевский бессмертен!

Мария РЕМИЗОВА